

УДК 172.12+329.11+329.12
DOI: 10.25206/2542-0488-2023-8-3-60-66
EDN: RBMMRX

А. Д. ПАРФЕНОВ

Тюменский
государственный университет,
г. Тюмень

ЛИБЕРТАРИАНСКАЯ МОДЕЛЬ КУЛЬТУРНОГО КОНСЕРВАТИЗМА

В статье представлен анализ теорий и подходов к обоснованию синтеза либертарианской политической философии и культурного консерватизма. В исторической перспективе показан генезис основных концепций и методов, лежащих в основании исследуемых теорий. Делается акцент на аргументах и доводах, представленных сторонниками данной политико-философской модели. Основная цель статьи — выявить особенности обоснования либертарианско-консервативного синтеза, а также основные достоинства и недостатки предлагаемых аргументов.

Ключевые слова: культурный консерватизм, консерватизм, либертарианство, политическая философия.

1. Либертарианство и культурный консерватизм: особенности синтеза. Либертарианство как политическая философия, предлагая исключительно набор общих политических нормативных принципов, является нейтральной позицией по отношению к культурным ценностям и практикам. Его суть сводится к защите экономической и личной свободы индивидов, свободных договорных отношений, принципа неагрессии и к требованию максимального сокращения (либо полного упразднения) вмешательства государства в жизнь общества и отдельных индивидов.

Актуализация культурной проблематики в западных обществах, связанная с дебатами по поводу ценностей и морали, оказала влияние и на либертарианское движение¹. Либертарианские политики и интеллектуалы разделились на два основных лагеря по вопросам культуры, морали и ценностей: на культурных консерваторов и культурных прогрессистов (культурных либералов).

Вопросы ценностей большинством либертарианцев считаются частью личных предпочтений свободных индивидов, которые вправе самостоятельно их выбирать и реализовывать опирающиеся на них культурные практики. Таким образом, сторонники культурного консерватизма, пытающиеся обосновать синтез, как правило, редко заявляют о некоторой логической связи между общими принципами либертарианства и культурным консерватизмом, скорее, их аргументы лежат в плоскости эмпирических фактов и практического опыта.

Либертарианские культурные консерваторы долгое время стремились к союзу с политическими консерваторами. Несмотря на то, что политический консерватизм включает в себя культурный консерватизм, отношения между консервативными либертарианцами и политическими консерваторами можно назвать довольно сложными. В одном из своих эссе Р. Кирк [3] указал на принципиальную несовместимость тех теоретических оснований, из которых исходят консерваторы и либертарианцы, а также на различия во взглядах по поводу соотношения порядка и свободы как политических ценностей². С другой стороны, Р. Скрутон отмечал общую англосаксонскую традицию, из которой возник политический консерватизм и классический либерализм, предшествовавший либертарианству, а также их общую ориентацию на защиту прав человека, собственности, рыночной экономики [4, с. 9–25]. Более того, британский философ подчеркнул, что не только либертарианские культурные консерваторы солидаризируются с некоторыми взглядами политических консерваторов в вопросах культурных ценностей, но и сами консерваторы иногда соглашались с либертарианцами, когда дело касается, например, критики эгалитаристских концепций³.

Стоит обозначить некоторые общие для большинства культурных консерваторов позиции: анти-эгалитаризм; защита традиционных институтов (семья, брак, мораль, духовный авторитет); ценность социального порядка и безопасности; защита куль-

турной идентичности / культурных ценностей [5, с. 28–35]. Также для всех культурных консерваторов характерна критика культурного либерализма и прогрессизма. Современные культурные консерваторы критикуют эгалитарные идеалы, а также требования политкорректности. Либерализм и прогрессизм в сфере культурных ценностей и практик часто рассматривается как позиция вседозволенности, ведущая к моральному, культурному и социальному разложению [6, р. 188].

Далее мы постараемся показать, какие именно задачи и цели ставились теми или иными либертарианскими философами и как они решались в рамках их попыток обосновать консервативно-либертарианский синтез.

2. Культурный традиционализм Л. фон Мизеса.

Значительное влияние как на либертарианство, так и на современный англо-американский консерватизм оказали работы представителей австрийской экономической школы. Особенно это касается критики социализма, предпринятой Л. фон Мизесом и Ф. фон Хайеком.

Хайек в своих работах попытался раскритиковать ложное понимание индивидуализма, из которого, как он считал, вырастают социалистические теории, противопоставив его «истинному» индивидуализму либеральной теории [7]. Мизес пошёл дальше, посвятив несколько глав в своей работе «Социализм» критике культурных и социальных взглядов левых мыслителей [8, с. 51–75].

Дж. Такер и Л. Роквелл дали весьма ёмкую и точную характеристику позиции Л. фон Мизеса: «Мизес был настолько консервативен в культурных вопросах, что сегодня его сочли бы реакционером» [9, р. 24]. В его взглядах сочетались антиэгалитаризм, критика феминизма, поддержка традиционной морали, брака, семьи, он верил не только в естественное неравенство между отдельными индивидами, но и в групповое, культурное неравенство. Тем не менее его взгляды не противоречили основным положениям классического либерализма, и, несмотря на свой антиэгалитаристский пафос, он был сторонником юридического равенства и демократии.

Во времена зарождения австрийской школы ещё рано было говорить о какой-либо «культурной войне» внутри западного капиталистического общества. Главным идеологическим врагом для западного капитализма был «восточный» социализм. Потому Л. фон Мизес формулировал свои взгляды в оппозиции именно социалистической системе, а не каким-либо «прогрессистским» идеям и ценностям.

Базовые предпосылки, из которых исходил в своих рассуждениях Л. фон Мизес, связаны с признанием личной свободы как главной политической ценности. Все отношения, которые формируются на основе свободных договоров, приводя к созданию тех или иных социальных институтов, являются естественными. Отношения, основанные на насилии, не могут быть естественными, поскольку противоречат принципу добровольности. Здесь стоит отметить, что насилие у Мизеса понимается в узком смысле (физическое насилие), что даёт возможность хотя бы частично избежать критики со стороны тех мыслителей, которые рассматривают насилие в более широком смысле (институциональное насилие и т.д.).

Одобрение базовых либеральных принципов и их практическая реализация по Мизесу приводит к ряду естественных процессов внутри обще-

ства. Естественное неравенство, которое коренится в природно-обусловленном различии людей, приводит к формированию системы разделения труда, а также к возникновению социальных и экономических иерархий. Институты брака, нуклеарной семьи, разделение семейных ролей, а также система моральных норм — всё это продукты свободных отношений между людьми, в которых учитываются естественные различия и которые обеспечивают поддержание естественного социального порядка.

Таким образом, Л. фон Мизес полагал, что природные различия, которые, как он утверждал, являются эмпирическим фактом, наилучшим образом могут быть использованы только в рамках капиталистической системы. Любые попытки при помощи государственной культурной, экономической или социальной политики разрушить традиционные институты буржуазного общества в конечном счёте приведут к нарушению естественного порядка⁴.

В теории Л. фон Мизеса можно обнаружить двоякую связь между культурным традиционализмом и классическим рыночным либерализмом. Во-первых, они являются антиэгалитаристскими учениями (социально-экономическое неравенство как результат свободных договорных отношений является справедливым; культурные ценности, господствующие в таком обществе, полностью удовлетворяют его потребностям). Во-вторых, свободный рынок, договорные отношения и традиционные социальные институты соответствуют естественному порядку [9, р. 47–48].

Взгляды Л. фон Мизеса при исследовании либертарианской модели культурного консерватизма важны для понимания общей логики построения концепций другими политическими философами, которые также пытались строить свою систему обоснования консервативно-либертарианского синтеза. Как будет показано далее, «мизесианская» традиция, воплотившаяся в работах палеолибертарианцев (М. Ротбард, Л. Роквелл, Х.-Х. Хоппе), ссылалась именно на вышеописанные положения.

3. Фузионизм Ф. Мэйера.

Одной из первых попыток создания консервативно-либертарианской политической философии можно считать теорию Ф. Мэйера, получившую название фузионизма⁵.

Теоретически фузионизм представлял собой попытку логически обосновать переход от консервативных установок к либертарианству. Основная цель аргументации Ф. Мэйера состояла в том, чтобы показать, что добродетель как моральное основание консервативной политической теории невозможна без свободы, которая может быть обеспечена только в условиях минимального государства. С другой стороны, само либертарианство он рассматривал как неполноценную доктрину именно потому, что оно не предоставляет никаких рецептов по достижению блага. Поэтому в более широком смысле Ф. Мэйер преследовал цель создания теории, способной объединить достоинства консерватизма и либертарианства и тем самым устранить имеющиеся в них недостатки.

Фузионисты защищали концепцию тринитарного государства: функции правительства должны сводиться к охране правопорядка, осуществлению правосудия и обеспечению обороны и внешней безопасности [10, р. 45].

Ф. Мэйер полагал, что моральная жизнь человека, ведущая его к благу, реализуется посредством его личного решения быть добродетельным. Содержание самой добродетельной жизни связано с реа-

лизацией правил, установленных Богом. Поскольку добродетель неразрывно связана с внутренним желанием человека и может быть реализована только посредством личного выбора, необходимо предоставить каждому человеку свободу как условие для совершения такого выбора. Для обеспечения свободы следует устранить внешнее влияние на моральный выбор человека. Политически это значит устранить влияние государства на сферу культуры и морали, чтобы оно не могло нарушить принципа свободного морального выбора. В противном случае любое навязанное извне поведение не может рассматриваться в качестве проявления добродетели, так как будет нарушен основополагающий для неё принцип. Аргумент фузионистов подвергся критике и со стороны консерваторов, и со стороны либертарианцев.

Л. Б. Бозелл сделал акцент на том, что Ф. Мэйер в своих аргументах не учитывает роль других институтов и социальных практик, которые также могут влиять на свободный выбор. Однако устранение всех социальных преград, которые тем или иным образом могут ограничить или направить человека на путь добродетели, приведёт к увеличению преступлений и иных плохих поступков, что в таком случае должно рассматриваться фузионистами как цена за осуществление «героического» добродетельного выбора человеком в условиях абсолютной свободы [11].

Кроме того, критике подверглись и другие положения фузионизма. Так, например, произошло с аргументом Эванса: была показана логическая непоследовательность перехода от утверждения «государство, которое наделено большими полномочиями, будет управлять хуже всего» к положению «государство, которое наделено наименьшими полномочиями, будет наилучшим». Также консервативные критики обрушились и на тринитарную концепцию государственных функций, указав, что ссылки на «естественность» такого рода государства ни на чём не основаны, так как нет фактов, свидетельствующих о том, что оно вообще когда-либо существовало [12].

М. Ротбард в эссе, посвящённом фузионизму, критикуя политический консерватизм Ф. Мэйера, пытается представить последнего как типичного либертарианца. Он показывает, что критика фузионистами либертарианцев за их недостаточное внимание к добродетели не является обоснованной, так как она применима лишь к тем из них, кто придерживается утилитарно-эмотивистско-гедонистических позиций, а не к тем, кто является сторонниками аристотелевско-локковской концепции естественных прав. Оба этих крыла присутствуют в либертарианском движении. Причина же наличия подобных расхождений заключается в нейтральности самой либертарианской политической философии, что неоднократно подчёркивалось М. Ротбардом [13].

Ценностная нейтральность либертарианства в культурных вопросах как установка на уровне теории значительно усложнила задачу при помощи исключительно рациональных построений без опоры на эмпирику привести сильные аргументы в поддержку фузионистской теории.

Это заставило сторонников консервативно-либертарианского синтеза посмотреть иначе на возможность его обоснования.

4. Палеолибертарианство. М. Ротбард и Л. Роквелл, основатели Института Мизеса, также попы-

тались сформулировать доводы в пользу синтеза культурного консерватизма и либертарианской политической философии. Их концепция, получившая название палеолибертарианства, преследовала как идеологические, так и стратегические цели (сближение с палеоконсерваторами).

М. Ротбард в качестве одной из точек соприкосновения культурного консерватизма и либертарианства так же, как и его учитель Л. фон Мизес, выделял антиэгалитаризм обеих теорий. Он считал эгалитаристские левые теории «восстанием против природы» [14].

По его словам, консервативная критика эгалитарных взглядов никогда не была достаточно основательной, так как касалась лишь экономической неэффективности идей, предлагаемых левыми. М. Ротбард подверг критике сам идеал равенства. Он исходил из того, что моральная теория, работающая на практике или противоречащая природным законам, должна быть отвергнута как неверная. Для доказательства того, что эгалитарный идеал разрушителен и не применим на практике, М. Ротбард привёл цепь рассуждений и пришёл к тому, что полное равенство означает уничтожение индивидуальности и разнообразия. Таким образом, идеал абсолютного равенства, с его точки зрения, является антигуманным и потому должен быть объявлен злом. Навязывание эгалитарного идеала как основы культуры является, по его мнению, разрушительным, так как противоречит природе человека.

Взгляды М. Ротбарда на культуру ничем существенно не отличались от взглядов его учителя Л. фон Мизеса. Линия аргументации здесь та же, что и у Мизеса, и опирается на естественный характер традиционных институтов и соответствующей им системы социальных отношений. Для М. Ротбарда анархо-капитализм представляется во многом средством поддержания традиционных институтов и системы ценностей, лежащих в их основе. Именно государство он считает виновником разрушения естественных институтов и социального порядка. Реализация же эгалитарных идей и внедрение их в культуру невозможны без принуждающей силы государства.

Палеоконсервативный проект М. Ротбарда и Л. Роквелла при ближайшем рассмотрении трудно назвать удачным с точки зрения его теоретической обоснованности. Этот проект по большей части был направлен на стратегические цели либертарианского движения для сближения с палеоконсерваторами [15]. В программных статьях палеолибертарианцев нет ничего, кроме простой декларации либертарианских взглядов на политику и культурно-консервативных установок без демонстрации какой-либо явной логической связи между ними⁶. Здесь можно проследить, с одной стороны, последовательность М. Ротбарда, не изменившего своим принципам. Он не добавил в саму либертарианскую концепцию каких-либо консервативных элементов. По большому счёту ему этого и не требовалось. Тот политический идеал, который он преследовал, во многом интерпретировался им как условие, гарантирующее существование общества, основанного на тех ценностях, которых он придерживался. Такое убеждение опиралось, скорее, на социологические наблюдения и интерпретацию эмпирических данных, а не на чисто рациональную аргументацию.

Основные, намеченные М. Ротбардом консервативно-либертарианские идеи, перенял и развил его ближайший ученик Х.-Х. Хоппе.

Х.-Х. Хоппе в своих работах критикует понимание консерватизма как защиты сложившегося статус-кво. В его понимании настоящий консерватор — это тот, кто верит в существование естественного порядка (natural order). Нарушителем естественного порядка является государство. Поэтому невозможно последовательно придерживаться той или иной формы этатизма, оставаясь при этом консерватором. Таким образом, он продолжает и углубляет теорию, идущую к нему через М. Ротбарда от Л. фон Мизеса. Основными элементами описываемого Хоппе естественного порядка являются семья, социальная иерархия, собственность и духовно-интеллектуальный авторитет.

Фактически Х.-Х. Хоппе утверждает, что политический консерватизм в его этатистском проявлении не может рассматриваться в качестве адекватной и непротиворечивой теории, поскольку в нём считается возможным сочетать критику социальных и культурных аномалий с признанием важной роли за тем институтом, который является причиной этих аномалий [6, p.189–199].

Х.-Х. Хоппе опирается в своей аргументации на положение о разрушительной роли государственного субсидирования, которое приводит к снижению стимулов. Таким образом, государственное субсидирование является причиной эрозии институтов, которые в естественном состоянии опираются на самоорганизацию, свободные договорные отношения, ответственность и взаимные обязательства.

Здесь стоит отметить типично консервативный тезис о роли обязанностей. Они выполняют созидательную роль, поддерживают социальные институты и укрепляют связи. Пренебрежение обязанностями ведёт к ситуации моральной «распушенности» и распаду институтов. Таким образом, по Х.-Х. Хоппе возврат к традиционной морали невозможен при сохранении государственных институтов, которые ответственны за её разрушение.

Всё вышесказанное можно применить к доводам, которые должны убедить консерваторов придерживаться либертарианской политической теории в её анархо-капиталистическом варианте. Однако Х.-Х. Хоппе также пытается привести ряд аргументов в пользу того, что и самим либертарианцам стоит придерживаться культурно-консервативных установок. Здесь он пытается опираться на эмпирические данные для того, чтобы доказать психологическую совместимость консерватизма и либертарианства (основоположники теории придерживались культурно-консервативных взглядов), идентичность сферы исследований (семья, власть, сообщества — эмпирически-социологическая конкретизация абстрактно-праксеологических категорий и концепций собственности, производства, обмена и договора).

Критикуя Х.-Х. Хоппе, У. Блок указывает на теоретическую совместимость либертарианства с любой этической и культурной позицией, так как оно не включает в себя, в отличие от политического консерватизма, ту или иную концепцию блага. Но Х.-Х. Хоппе мог бы всецело согласиться с таким взглядом, так как он настаивает исключительно на отношениях праксеологической совместимости, социологической взаимодополняемости и взаимного «усиления» культурного консерватизма и либертарианства. Однако тот же У. Блок отмечает, что такие аспекты левой политики, против которых выступают палеолибертарианцы, как эгалитарные требования, включая те, которые ограничивают сво-

боду ассоциаций в пользу недискриминационной политики или мер позитивной дискриминации, действительно противоречат либертарианству [19]. Поэтому критика концепции Х.-Х. Хоппе с этой точки зрения кажется провальной и, скорее, основана на невнимательности к тому способу обоснования, который он предлагает, а не на реальной непоследовательности в его теории.

Культурный консерватизм Х.-Х. Хоппе в определенной мере можно назвать стратегией поддержания либертарианского порядка. Несовместимость прогрессистских, эгалитарных и социалистических ценностей с либертарианством рассматривается им как основание для отказа от ассоциации с носителями подобных ценностей. Стоит предположить, что он просто не допускает сценария, в котором либертарианское общество могли бы создать люди, имеющие прогрессистские взгляды, так как такое общество неминуемо самоустранилось бы либо превратилось в государство или же диктатуру, нарушив естественный анархо-капиталистический порядок [20, с. 90–106].

Однако аргументация Х.-Х. Хоппе в данном случае сталкивается с проблемой отсутствия фактов, подтверждающих его умозаключения. Рассуждения о функционировании анархо-капиталистического общества, а также об особенностях конкуренции различных ценностных систем, способности тех или иных культурных практик, традиций и обычаев «выживать» в условиях отсутствия государства, то есть общества, основанного на либертарианских принципах, при отсутствии реальных эмпирических данных могут рассматриваться исключительно как возможные сценарии. С точностью определить, насколько именно тот сценарий, который предлагает Х.-Х. Хоппе, является верным, невозможно в условиях отсутствия реальных примеров анархо-капитализма в том виде, как он описывается его сторонниками. Это, безусловно, является одной из серьёзных проблем в его обосновании консервативно-либертарианского синтеза.

Попробуем на основании вышеизложенных взглядов основных представителей культурного консерватизма среди либертарианцев сделать некоторые общие выводы.

5. Заключение. Отношение между культурным консерватизмом и либертарианством в рамках различных консервативно-либертарианских теорий интерпретируется двумя способами.

Во-первых, как отношение логического следования между консервативным настаиванием на добродетели в качестве основы благой жизни и максимальной политической свободой как условием её реализации (фузионизм). Во-вторых, как отношение праксеологической совместимости (палеолибертарианство). Фузионистский способ обоснования во многом потерпел крах, так как в нём не были учтены, с одной стороны, методологические и некоторые иные расхождения между консервативными и либертарианскими воззрениями на природу и роль государства, общества, социальных институтов, природу человека. С другой стороны, нейтральность либертарианской теории в отношении вопросов культуры и морали значительно затрудняют возможность чисто логического обоснования перехода от либертарианства к культурному консерватизму.

Палеолибертарианская теория также не избегает трудностей. Во-первых, здесь, так же как и в случае с фузионизмом, отсутствуют чисто логи-

ческие дедуктивные аргументы в пользу перехода от либертарианства к культурному консерватизму. Нейтральность теории в отношении вопросов культуры и морали, напротив, выводится из базовых либертарианских принципов дедуктивно. Именно поэтому для обоснования синтеза используется два методологических приема, оба из которых остаются в значительной степени уязвимыми для критики. Во-первых, акцент на праксеологической совместимости обеих теорий, а также на «психологической и социологической практике» используется в качестве основного метода обоснования связи между либертарианством и консерватизмом. Для критиков открывается пространство как для атаки на сам праксеологический метод, так и для обсуждения «разрыва» в способах аргументации, когда политико-философская часть теории строится на основании сугубо рационального логического дедуктивного метода, а связь с культурно-нормативными требованиями реализуется за счёт апелляции к эмпирическим данным и практике. При этом в таком случае под удар со стороны классических консерваторов может попадать именно политико-философская часть, а со стороны либертарианцев — культурно-консервативные аспекты. Может возникнуть справедливый вопрос: если в качестве метода обоснования политико-философской теории мы можем обращаться к некоторому практическому опыту, тогда почему бы нам не быть до конца последовательными?

Возможно, стоит задаться вопросом, насколько дедуктивно построенная либертарианская теория (особенно в её анархо-капиталистическом варианте) применима на практике? Именно этого требует М. Ротбард в отношении эгалитарных теорий, когда речь заходит об их моральной обоснованности. Но также именно об этом принципе он не упоминает, когда высказывается о том, что политико-философская теория должна исходить из сугубо рациональных оснований, игнорируя, например, традицию. В этом смысле, как нам кажется, классические консервативные теории можно считать более последовательными, так как в них практика и опыт, сосредоточенные в традиции играют основную роль, как при обосновании политических, так и культурных взглядов.

Таким образом, либертарианская модель культурного консерватизма представляется на данный момент одним из возможных вариантов теоретического обоснования консервативных взглядов с точки зрения политической философии. Однако данная модель сталкивается с целым рядом проблем, решение которых является задачей для теоретиков и политических философов, которые настаивают на последовательности и продуктивности консервативно-либертарианского синтеза.

Примечания

¹ Одной из наиболее ярких работ, описывающих ценностное противостояние в современных западных обществах, можно назвать книгу Дж. Д. Хантера *Культурные войны: борьба за самоопределение Америки* [1]. Для консервативных теоретиков вопрос ценностей и культуры всегда играл важную роль, однако особую актуальность он получил в результате «вызова», брошенного со стороны «новых левых», феминизма и иных движений и теорий, которые принято относить к прогрессистским [2].

² Р. Кирк делает больший акцент на различиях, которые касаются базовых для либертарианцев и политических кон-

серваторов ценностей. Он считает, что важнейшей политической ценностью стоит считать порядок, а не свободу (порядок — условие свободы), а также отмечает, что между двумя рассматриваемыми политическими воззрениями существуют различия в оценке природы человека, оценке природы сообществ, восприятию государства и его роли, а также в отношениях к традициям и обычаям.

³ Р. Скрутон указывал, что после выхода работы Дж. Ролза *Теория справедливости* консерваторы так и не сформулировали на неё полноценный философский ответ. Вместо этого они согласились и солидаризировались с той критикой, которая была предложена Р. Нозиком. Однако Р. Скрутон сам критиковал концепцию «государства ночного сторожа», считая, что оно не может в полной мере обеспечить благосостояние, необходимое для поддержания гражданского общества [5, с. 142].

⁴ В англо-американской политической и политико-философской традиции буржуазный строй и капитализм часто рассматриваются как часть традиционного порядка. Американские традиционалисты и консерваторы, например, зачастую являются конституционалистами, так как именно в основном законе с присущими ему акцентами на правах и свободах, защите частной собственности и так далее они видят истоки американской традиции.

⁵ Ф. Мэйер был одним из основателей консервативного журнала *National Review*. Его теория и движение были названы фузионизмом (англ. Fusionism от «fusion» — слияние), так как представляли собой попытку объединения консервативных и либертарианских элементов.

⁶ Базовые идеи палеолибертарианцев изложены в нескольких основных статьях, вышедших в журналах *Rothbard-Rockwell Report* и *Liberty* [16–18].

Библиографический список

- Hunter J. D. *Culture Wars: The Struggles to Define America*. New York: Basic Books, 1991. 432 p.
- Thomson I. T. *Culture Wars and Enduring American Dilemmas*. University of Michigan Press, 2010. Ch. 1. p. 1–30. DOI: 10.2307/j.ctt22p7hg8.3.
- Kirk R. Libertarians: the chirping sectaries // *Modern Age*. 1981. Vol. 25, № 4. P. 345–351.
- Scruton R. *Conservatism. An Invitation to the Great Tradition*. St. Martin Press, 2018. 176 p. ISBN 9781250170569.
- Скрутон Р. Как быть консерватором / пер. с англ. Б. Дынина. Москва, 2021. 211 с.
- Hoppe H.-H. *Democracy. The God That Failed. The Economics and Politics of Monarchy, Democracy, and Natural Order*. New Brunswick: Transaction Publishers, 2007. 304 p.
- Хайек Ф. А. Индивидуализм и экономический порядок / пер. с англ. О. А. Дмитриевой; под ред. П. И. Капелюшкова. Челябинск: Социум, 2011. Гл. I. С. 1–40.
- Мизес Л. фон. *Социализм. Экономический и социологический анализ*. Москва: Catallaxy, 1994. 416 с.
- Tucker J. A., Rockwell L. H. *The Cultural Thought of Ludwig von Mises* // *The Journal of Libertarian studies*. 1995. Vol. 10, № 1. P. 23–52.
- Meyer F. *In Defense of Freedom: A Conservative Credo*. Chicago: Henry Regnery, 1962. 179 p.
- Bozell L. B. *Freedom or Virtue? // Freedom and Virtue. The Conservative/Libertarian Debate / Ed. G. W. Carey. Revised, updated ed. Wilmington, Delaware: Intercollegiate Studies Institute. 1998. P. 23–37.*
- Raico R. *Is libertarian amoral? // Mises Institute. 2019. URL: https://mises.org/library/libertarianism-amoral (дата обращения: 01.03.2023).*
- Rothbard M. N. Frank S. Meyer: the fusionist as libertarian Manque // *Modern Age*. 1981. Vol. 25, № 4. P. 352–363.

14. Rothbard M. N. *Egalitarianism as a Revolt Against Nature and Other Essays*. Auburn: The Ludwig von Mises Institute, 2000. P. 1–21. ISBN 0-945466-23-4.

15. Chmielowski M. Murray N. Rothbard's paleolibertarianism. In search for a political success during the Republican party presidential primaries 1992 // *Res Publica. Revista de Historia de las Ideas Politicas*. 2016. Vol. 19, № 2. P. 371–387.

16. Rockwell L. The Case for Paleo-libertarianism // *Liberty*. 1990. Vol. 3, № 3. P. 34–38.

17. Rothbard M. N., Rockwell L. Why the Report? // *Rothbard-Rockwell Report*, April 1990.

18. Rothbard M. N. Why Paleo? // *Rothbard-Rockwell Report*, May 1990.

19. Block W. Plumb-Line Libertarianism: a Critique of Hoppe // *Reason Papers*. 2007. Vol. 29. P. 151–163.

20. Хоппе Х.-Х. Понимая либертарианство правильно / пер. с англ. Парфенюк. Москва: Библиотека Шевцова, 2018. 129 с.

ПАРФЕНОВ Александр Дмитриевич, аспирант, ассистент кафедры философии Тюменского государственного университета, г. Тюмень.

AuthorID (РИНЦ): 1141812

ORCID: 0000-0003-1241-5409

Адрес для переписки: forlanatletico@mail.ru

Для цитирования

Парфенов А. Д. Либертарианская модель культурного консерватизма // *Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность*. 2023. Т. 8, № 3. С. 60–66. DOI: 10.25206/2542-0488-2023-8-3-60-66.

Статья поступила в редакцию 15.04.2023 г.

© А. Д. Парфенов

LIBERTARIAN MODEL OF CULTURAL CONSERVATISM

The article presents an analysis of theories and approaches to substantiate the synthesis of libertarian political philosophy and cultural conservatism. In a historical perspective, the genesis of the main concepts and methods underlying the theories under study is shown. Emphasis is placed on the arguments and arguments presented by the supporters of this political and philosophical model. The main purpose of the article is to identify the features of the substantiation of the libertarian-conservative synthesis, as well as the main advantages and disadvantages of the proposed arguments.

Keywords: cultural conservatism, conservatism, libertarianism, political philosophy.

References

1. Hunter J. D. Culture Wars: The Struggles to Define America. New York: Basic Books, 1991. (In Engl.).
2. Thomson I. T. Culture Wars and Enduring American Dilemmas. University of Michigan Press, 2010. Ch.1. p. 1–30. DOI: 10.2307/j.ctt22p7hg8.3. (In Engl.).
3. Kirk R. Libertarians: the chirping sectaries // *Modern Age*. 1981 Vol. 25, no. 4. P. 345–351. (In Engl.).
4. Scruton R. Conservatism. An Invitation to the Great Tradition. St. Martin Press, 2018. 176 p. ISBN 9781250170569. (In Engl.).
5. Scruton R. Kak byt' konservatorom [How to be a conservative] / trans. by Engl. B. Dynin, 2021. 211 p. (In Russ.).
6. Hoppe H.-H. Democracy. The God That Failed. The Economics and Politics of Monarchy, Democracy, and Natural Order. New Brunswick: Transaction Publishers, 2007. 304 p. (In Engl.).
7. Hayek F. A. Individualism i estestvenny poryadok [Individualism and economic order] / trans. by Engl. O. A. Dmitrieva, ed. R. I. Kapelyushnikova. Chelyabinsk, 2011. Ch. I. P. 1–40. (In Russ.).
8. Mises L. von. Socialism. Economichesky i socialny analiz [Socialism. Economic and sociological analysis]. Moscow, 1994. 416 p. (In Russ.).
9. Tucker J. A., Rockwell L. H. The Cultural Thought of Ludwig von Mises // *The Journal of Libertarian studies*. 1991. Vol. 10, no. 1. P. 23–52. (In Engl.).
10. Meyer F. In Defense of Freedom: A Conservative Credo. Chicago: Henry Regnery, 1962. 179 p. (In Engl.).
11. Bozell L. B. Freedom or Virtue? // *Freedom and Virtue. The Conservative/Libertarian Debate* / Ed. G. W. Carey. Revised, updated ed. Wilmington, Delaware: Intercollegiate Studies Institute. 1998. P. 23–37. (In Engl.).
12. Raico R. Is libertarian immoral? // *Mises Institute*. 2019. URL: <https://mises.org/library/libertarianism-amoral> (accessed: 03.01.2023). (In Engl.).
13. Rothbard M. N. Frank S. Meyer: the fusionist as libertarian Manque // *Modern Age*. Vol. 25, no. 4. 1981. P. 352–363. (In Engl.).
14. Rothbard M. N. Egalitarianism as a Revolt Against Nature and Other Essays. Auburn: The Ludwig von Mises Institute, 2000. P. 1–21. ISBN 0-945466-23-4. (In Engl.).
15. Chmielowski M. Murray N. Rothbard's paleolibertarianism. In search for a political success during the Republican party presidential primaries 1992 // *Res Publica. Revista de Historia de las Ideas Politicas*. 2016. Vol. 19, no. 2. P. 371–387. (In Engl.).
16. Rockwell L. The Case for Paleo-libertarianism // *Liberty*. 1990. Vol. 3, no. 3. P. 34–38. (In Engl.).
17. Rothbard M. N., Rockwell L. Why the Report? // *Rothbard-Rockwell Report*, April 1990. (In Engl.).
18. Rothbard M. N. Why Paleo? // *Rothbard-Rockwell Report*, May 1990. (In Engl.).
19. Block W. Plumb-Line Libertarianism: a Critique of Hoppe // *Reason Papers*. 2007. Vol. 29. P. 151–163. (In Engl.).
20. Hoppe H.-H. Ponimaya libertarianstvo pravil'no [Understanding libertarianism correctly] / trans. by Engl. M. Parfenyuk. Moscow, 2018. 129 p. (In Russ.).

PARFENOV Alexander Dmitrievich, Graduate Student, Assistant of Philosophy Department, Tyumen State University, Tyumen.
AuthorID (RSCI): 1141812
ORCID: 0000-0003-1241-5409
Correspondence address: forlanatletico@mail.ru

For citations

Parfenov A. D. Libertarian model of cultural conservatism // *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2023. Vol. 8, no. 3. P. 60–66. DOI: 10.25206/2542-0488-2023-8-3-60-66.

Received April 15, 2023.
© A. D. Parfenov